

А. ЖАРОВ*

Ленин в гостях у комсомольцев**

Во многих подробностях вспоминается мне знаменательный день истории комсомола — день открытия III съезда РКСМ. Это было 2 октября 1920 года.

Холодные сумерки спускались на Москву, хмурую, суровую.

На дверях Лоскутной гостиницы, возле Охотного ряда, — листовки, постановления о борьбе с разрухой, об угрозе сыпнотифозных заболеваний.

А на улице толпы молодежи, шагающей бодро, весело, с громким разговором, а то и с песней.

Группа делегатов съезда поднималась вверх по Тверской улице. Многие заранее переходили на правую сторону, прыгая через ямы и рытвины узкой булыжной мостовой, загроможденной к тому же трамвайными путями... Такой была тогда нынешняя улица Горького.

* *Александр Алексеевич Жаров* (1904–1984) — советский поэт, редактор. Автор гимна советской пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи».

** Воспоминания о В. И. Ленине. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 3. С. 304–311.

У площади Моссовета среди делегатов — вихрастый парень в кожаной тужурке. Размахивая шапкой-ушанкой, он резким голосом очень выразительно читает стихотворение Демьяна Бедного:

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!

Двигаясь дальше по разбитому тротуару, мы останавливались у магазинных витрин, обращенных в витрины плакатов. Плакаты в прозе и стихах призывали громить Врангеля, гнать интервентов из Белоруссии.

«ЗАПИСАЛСЯ ЛИ ТЫ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?» —

спрашивал каждого из нас красный воин с яркого плаката.

На этот законный вопрос мы собирались дать достойный ответ на самом съезде. Так уж полагалось в то время в комсомоле. У площади Пушкина кто-то запел «Смело, товарищи, в ногу». А у поворота на Малую Дмитровку (ныне улица Чехова) был затеян лихой пляс, по ходу которого звучали слова самодеятельного припева к переделанной песне «Вдоль да по речке»:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевич,
И звонарь Сергеевич,
Вся деревня Сергеевна,
И Матрена Сергеевна —
Разгова-а-ривают.

Весь комсомол пел и такого рода нехитрые песенные сочинения. Пели и мы, будущие поэты, песенники комсомольские. Песня была спутницей комсомола всегда: и в дни радостей, и в дни горестей. Холодно было, голодно, — а мы пели, предпочитая то, что повеселей. Это свойство юности, смотрящей вперед. Недаром говорилось в частушке:

Нам, солдатам Ленина,
Унывать не велено.

У самых дверей дома № 6, где собирался наш съезд, во время большого затора при проверке документов, неунывающий балтийский матрос поднялся на какое-то возвышение и на всю улицу прогорланил отрывок из «Левого марша» Маяковского:

Там,
за горами горя
солнечный край непечатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!

Комсомолец в стеганой ватной кацавейке, должно быть, делегат из хлебных краев, демонстративно вынул из сумки порядочную краюху хлеба и вручил ее матросу.

Матрос расцеловал щедрого товарища: — Спасибо, браток! Это будет лакомством для всей нашей делегации...

Кто-то сострил под общий смех:

— Это пока не солнечный край, но непечатый!..

Большой зал был переполнен. После выборов президиума начались приветствия. О комсомоле не так уж много было известно тогда. И приветствия в его адрес со стороны были малочисленны. Приходилось нам самим восполнять этот «пробел».

Мы от души приветствовали друг друга, делегация делегацию. Саратовцы передавали дружеский поклон москвичам. Следовал ответ. Потом уральцы сердечно кланялись питерцам, сибиряки — вологодцам и тверякам.

Во всех приветствиях неизменно звучали здравицы в честь партии рабочего класса, в верности которой комсомол клялся с первых своих шагов. Сердца революционной молодежи, взволнованные Октябрьской грозой, полные были прекрасных предчувствий будущего, дерзновенных надежд на завтрашний день.

Но любая надежда нашей юности опиралась на силу предвидения и мудрость Коммунистической партии.

Разум партии, основанной и ведомой Лениным, вот светоч, без которого самые благие наши порывы были бы бесплодными. Нам пришлось бы блуждать в потемках, сбиваться с верной дороги...

Жаркую речь на эту тему произнес белокурый паренек в поддевке, выступивший, кажется, от имени смоленской делегации.

Аплодисменты, раздавшиеся в середине этой речи, вдруг резко усилились, превратились в долгую овацию. Тут уж смоленский паренек был ни при чем. Он понял это. И тихо покинул трибуну. Потому что он увидел Ленина, подошедшего к столу президиума.

Из первых рядов зала мы хорошо рассмотрели Владимира Ильича. Он вошел в распахнутом осеннем пальто с узким бархатным воротником, в кепке. Снял пальто и кепку, положил их на стул, а сам сел с краю у стола. Поговорил с кем-то из президиума и наклонился над книгой или над бумагами...

Известная картина художника Б. Иогансона имеет одну погрешность. На ней неподалеку от стола президиума изображен черный блестяще-полированный рояль.

На самом деле никакого рояля не было. И не могло быть в 1920 году в помещении, которое время от времени использовалось под призывной пункт. И бархатных кресел с позолоченными спинками не было.

Сцена была украшена двумя портретами: Маркса и Энгельса. На большом ее пространстве, помимо стола президиума, стояло несколько маленьких столиков и много разнокалиберных стульев, табуреток и простых дубовых скамеек. Столики предназначались для секретарей.

Освещение зала было, конечно, не богатым. Поэтому многие комсомольцы из дальних рядов ринулись к сцене, чтобы получше разглядеть Ленина. А некоторые набрались храбрости проникнуть на сцену, чтобы оказаться хоть на минутку рядом с Владимиром Ильичей. Среди этих «некоторых» был и я.

Я не был писателем, но журналистом уже был. Даже московскую комсомольскую газету редактировал, несмотря на свой неподходящий для этого возраст. Не удивительно, что сидел я с блокнотом. И записывал. Вот что говорится в одной из моих записей, сделанных в те часы:

«Владимир Ильич наклонился над какими-то бумагами. Я очень хорошо вижу его лицо. Оно кажется чуточку хмурым и сосредоточенным. Он что-то пишет. Странно то, что Ленин словно не замечает приветственного гула, все еще бушующего в зале. Это ведь его приветствуют ребята».

Да, казалось, что ни оваций, ни криков «ура», ни радостных возгласов не слышит Владимир Ильич. А главное, — он, к счастью для нас, не видит явного беспорядка, учиненного нами, самовольно перекочевавшими из задач на сцену. Он очень занят. Это хорошо: многие из нас вместе со своими табуретками потихонечку продвигаются поближе к столу президиума. И вот — мы возле Ленина.

Он прервал свое занятие, поднял голову и, улыбаясь, медленным взглядом обвел всех нас, непрошенных гостей президиума.

У каждого из нас перехватило дыхание. Мы замерли, но под действием приветливого взгляда Ленина быстро пришли в себя. Вернулось самообладание. Кое-кто через плечо Владимира Ильича осмелился посмотреть — чем он занимается.

Ленин... рисовал. Нарисовал он деревенского типа дом — с крышей, с трубой, с вывеской «школа».

Разумеется, никому из нас не пришло в голову, что тема ленинского рисунка может иметь отношение к теме его речи.

Комсомольцы той поры не могли интересоваться таким учреждением, как школа. Шла гражданская война. Был голод.

ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ, ЧТОБ СЫТОМУ БЫТЬ!
ВРАНГЕЛЯ БИТЫ

Вот слова с плаката Маяковского, которые были для нас программой тех дней.

Они обнажали и подчеркивали мысль о второстепенности всех задач, кроме одной: защитить, отстоять молодую Республику Советов от вооруженных полчищ белогвардейцев и интервентов.

Вместе с билетом члена РКСМ почти каждый комсомолец получал в то время винтовку. Достившие шестнадцатилетнего возраста отправлялись на фронт. А кто помоложе, выполняли воинские обязанности в тылу, несли службу по охране порядка, участвовали в борьбе с контрреволюцией, с бандитизмом, со спекуляцией.

Впрочем, Павка Корчагин и его «двойник» Николай Островский вступили в ряды Красной Армии в пятнадцатилетнем возрасте потому, что жили они в зоне военных действий. Но и в глубоком тылу находились совсем юные ребята, ухитрявшиеся из тыловых мест прорываться на фронт в результате небольших исправлений в документе о рождении: прибавляли себе годик, а то и два. Рослым это удавалось довольно легко.

Мне не надо было прибегать к хитрости. В октябре 1920 года я уже достиг возраста, в котором комсомольцы должны были идти на фронт в обязательном порядке. Мы, шестнадцатилетние, пришли на III съезд РКСМ с полной уверенностью в том, что путь наш со съезда будет военным путем.

И вот мы видим на своем съезде Ленина. Значит, сам Ленин, великий полководец пролетарской революции, будет напутствовать нас. Именно в те дни вместо слов «Это будет» мы стали петь: «Это есть наш последний и решительный бой!»

Ленин вышел из-за стола президиума и направился не к трибуне, приготовленной для него, а к краю сцены. Трибуной он воспользовался после выступления, когда отвечал на вопросы.

Зал стоя приветствовал Ленина. Шумные вспышки восторгов долго не давали ему начать речь. Два или три раза пели «Интернационал». Владимир Ильич, отойдя в сторону, пел вместе со всеми. Потом он ходил по авансцене. Останавливался. Махал рукой и даже двумя руками в сторону разбушевавшегося, ликующего зала.

Потом довольно внушительно пальцем погрозил.

Начала было устанавливаться тишина. Но... Владимир Ильич заулыбался. Зал тут же отозвался на его улыбку. Раздался рас-

катистый тысячеголосый взрыв смеха. Все поняли, что грозился Ленин не всерьез. Его улыбка, словно искорка, перекинулась в зал и пошла сверкать по рядам, веселым пламенем охватила всех.

Но вот он вынул из жилетного кармана часы, приподнял их над головой и многозначительно указал на циферблат: время, дескать, идет, ребятки!.. А время дорого...

Это было ясно без слов.

Наступила полная тишина.

И мы услышали голос Ленина. Зазвучал он вовсе не приподнято, без всякой торжественности, спокойно, мягко, пожалуй, даже несколько по-домашнему, словно на беседе.

В сущности, по своему характеру речь Ленина на нашем III съезде была беседой, большим, серьезным и в то же время задушевным разговором о самом главном в жизни молодого поколения, призванного начать строительство нового общества, такого общества, о каком могли а лишь мечтать самые светлые головы человечества.

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи... — такими словами началась знаменитая ленинская речь.

Все мы удивились, когда Ленин сказал, что основные задачи молодежи можно выразить одним словом.

Он поднял кверху указательный палец и как-то загадочно повторил:

— Одним словом!

Ленин сделал шаг назад, как бы для того, чтобы большее число слушателей охватить пытливым взглядом. Большая и, как мы поняли впоследствии, необходимая пауза. Хотелось отгадать задуманное слово. Владимир Ильич, кажется, ждет, когда оно будет произнесено кем-нибудь из нас. Но в зале царило молчание. Как выяснилось позже, все хотели показать свою сообразительность. Загадку сочли не трудной. Смысл одного слова ни у кого не вызывал сомнений. Не знали только будет ли вернее слово «победить», или слово «сокрушить», или слово «разгромить», а может быть, и еще что-нибудь покрепче в отношении врагов.

Ленин снова подошел к самому краю сцены. Немного наклонился и отчетливо сказал:

— Задача состоит в том, чтобы учиться.

Этого никто из нас не предполагал. Даже видевшие листок с рисунком школы. И не мудрено: стотысячная армия барона Врангеля еще сидела в Крыму. В Белоруссии еще хозяйничали пилсудчики...

Ленин ничего не сказал нам об этом.

Значит, он не сомневается в том, что враги будут разгромлены и без нашей непосредственной помощи. Значит, партия уже подготовила этот разгром. Партия смотрит вперед. Она видит дальше, чем мы. Перед взором Ленина — мирные годы, новая полоса жизни. Отсюда и новые задачи.

Похвалой комсомолу были слова Ленина о том, что мы. прекрасно поняли свою задачу поддержки рабоче-крестьянской власти в ее вооруженной борьбе против капиталистических разбойников.

Но... теперь этого недостаточно.

Слушая Ленина, мы почти ощутили заманчивость и величие подвига мирного труда, в котором праздничная романтика должна сочетаться с кропотливой, суровой будничностью.

Значит, и тут нужно мужество! Владимир Ильич говорил о перспективах общего труда. Оказывается, нашему поколению суждено заняться организацией такого труда, освоением и созданием высокой техники. А для этого надо учиться. Крепости науки, искусства тоже предстояло штурмовать нам.

Призывая комсомольцев стать застрельщиками в организации общего труда, Владимир Ильич предостерегал от верхоглядства и беззаботности. Он говорил нам:

— Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы.

В моей памяти эти слова — «заработать, выстрадать, создать» — сохранились в сочетании со словом «учиться», трижды повторенным Владимиром Ильичей.

Мы, представители первого поколения комсомольцев, дети народа, охотно пели о том, что —

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Но прямо скажу, что сколько-нибудь конкретного представления о возможности «стать всем» у нас поначалу не было. Сама мысль о такой возможности казалась и ко многому обязывающей и... нескромной.

Может быть, достаточно стать борцом за дело партии, за интересы трудового народа? Может быть, достаточно остаться до последнего дыхания смелым защитником советской отчизны?

Нет, не достаточно.

Дело партии и интересы народа требуют, чтобы мы оказались способными стать инженерами, писателями, музыкантами, учеными, педагогами, агрономами, художниками, артистами, оставаясь одновременно революционными борцами. А для этого надо иметь не только талант, но и знания.

Особенная путаница в наших головах царила по вопросу об отношении к старой культуре. В начале революции даже среди литераторов, именовавшихся пролетарскими, в ходу были анархистского типа представления о старой культуре. Ее называли и хламом, и ветошью и считали чем-то обреченным на посмеяние и на слом.

На наших комсомольских вечерах и вечеринках можно было услышать декламаторов, выступавших со стихами, пафос которых состоял в пренебрежении к старой культуре, к классическому наследству.

И далеко не всегда такая декламация получала должный отпор.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Такая ложнопатетическая тирада В. Кириллова принималась иногда за революционное откровение. Толкователи ее уверяли, что она вытекает из намерения рабочего класса уничтожить «весь мир насилия до основанья».

Ленин пришел на комсомольский съезд, чтобы внести ясность в важнейшие вопросы отношения к старой и построения новой культуры. Он фундаментально разъяснил нам, что без основательного знания и критического усвоения культуры прошлого никакой новой культуры не построишь.

Вовсе не следует сжигать Рафаэля и сбрасывать Пушкина «с корабля современности», как это предлагали одно время футуристы. Нет необходимости пренебрегать сокровищами музеев и топтать цветы классического искусства.

Так мы поняли Ленина.

Поняли также, что «топтать» можно лишь фальшивые цветы буржуазного псевдоискусства, несущего в себе запах разложения, упадочничества.

Оказывается, во имя коммунистического Завтра надо нам усердно трудиться, чтобы овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством за всю его историю. Без этого нельзя успешно строить новое общество.

Так говорил Ленин, обрушиваясь одновременно на книжное, начетническое усвоение того, что написано о коммунизме.

К сочетанию теории с практикой, к тому, чтобы неразрывно связывать каждый шаг воспитания и учения с повседневной борьбой трудящихся, с житейскими заботами народа, — вот к чему призывал Ленин.

К концу ленинской речи в президиум стали поступать записки с вопросами. Они летели из зала на сцену и подбирались двумя

комсомольцами. Несколько записок поднял сам Владимир Ильич. Одну из них даже прочитал во время паузы, вызванной аплодисментами зала.

Прочитал и обрадовано воскликнул:

— Смотрите, какой замечательный вопрос мне задан! «Товарищ Ленин, а почему в деревне нет колесной мази?»

В зале засмеялись, находя вопрос наивным и неуместным.

А Владимир Ильич повторил, что вопрос замечательный и имеющий прямое отношение к разговору о том, каким должен быть коммунист. Коммунист должен ответить крестьянам: почему нет колесной мази, почему нет гвоздей, керосина, спичек. Мало того! Коммунист обязан так или иначе помочь в налаживании производства всего, что необходимо народу, в том числе и колесной мази! Вот каким должен быть коммунист!..

Указания Ленина, советы его, обращенные к молодежи, составили основу программы комсомола, стали неоценимым напутствием каждой девушке, каждому юноше, вступающим в жизнь, чтобы сделать ее прекрасной.

Это было в том далеком году, когда Владимира Ильича посетил английский писатель Герберт Уэллс. Кремлевским мечтателем назвал Уэллс Ленина в своей книге «Россия во мгле». Известно, что Ленин добродушно посмеялся над этим прозвищем.

И время посмеялось над теми, кто не понимал или не хотел понять, что чудо Октябрьской революции открыло невиданный простор для самых дерзновенных чаяний народа, способных воплотиться в живую действительность.

Когда Уэллс видел Россию разоренной, измученной множеством испытаний, когда Россия не без оснований казалась Уэллсу Россией «во мгле», Ленин говорил нам о России лучезарной.

— Мы хотим Россию из страны нищих и убогой превратить в страну богатую, — сказал Владимир Ильич.

Он при этом улыбался, как бы приглашая всех нас разделить с ним убеждение, что так оно и будет.

Не одно, а несколько поколений советской молодежи; росло, училось, достигало успехов в борьбе и труде, руководствуясь добрыми советами Коммунистической партии и великим напутствием Владимира Ильича, данным комсомольцам в 1920 году.

Двадцатый год —

Разруха, голод, холод.

Шла осень, громом битвы грохоча.

В Москве на Третьем съезде комсомола

Мне довелось увидеть Ильича.
Сердца юнцов рвались к нему навстречу.
Гул голосов казался гудом пчел...
Ильич
Большим заботам в этот вечер
Заботу о грядущем предпочел.
Могучей мыслью бережно и смело
Он нас через ненастье и мороз
Вдруг перенес
В весенние пределы,
В преддверье коммунизма перенес.
Мы от него услышали впервые,
Что близок мир — в суровом том году,
И отдали
Все силы молодые
Учению и общему труду.
Прошли десятилетия не напрасно.
Родной народ наш,
Полный новых сил,
Вплотную подошел к весне прекрасной,
Которую нам Ленин возвестил.

Свобода*

Свобода не там, где спины гнут
Под властью кнута и золота.
Свобода тут,
где правит труд
Под знаком серпа и молота!

Наказ вождя

Единенье коммунистов ·
разных наций, разных рас —
Это времени веленье,
это ленинский наказ!

* Стихотворные строки А. Жарова к политическим плакатам.